

Л. Ю. ГУСМАН

**Русская либеральная эмиграция и анархизм
(конец 50-х — середина 60-х гг. XIX в.)**

Середина XIX в. стала для России периодом кристаллизации и развития самых разнообразных идейных течений. Время общественного пробуждения и надежд, связанных с ожидавшимися реформами, первоначально характеризовалось относительным единством стремлений и целей. Однако уже с конца 1850-х гг. начался раскол внутри «прогрессистского» общества, связанный с различными взглядами на будущее России и цивилизации в целом, на смысл и темпы происходивших преобразований. Среди многочисленных оппозиционных направлений русской общественной мысли существовали как социалистические, так и леволлиберальные тенденции, иногда сотрудничавшие, а иногда жестко оппонировавшие друг другу.

В настоящей статье мы попытаемся кратко рассмотреть проблему взаимоотношений российской либерально-конституционалистской эмиграции конца 1850-х — середины 1860-х гг. с формирующимся анархизмом, в частности с бакунизмом. Бакунистская идеология безгосударственности и бунтарства приобрела свою окончательную форму несколько позже, уже после разрыва своего основателя с К. Марксом, но и ранее она решительно противостояла любой разновидности как правового, так и экономического либерализма и не могла не вступить с ним в острую идейную конфронтацию, нашедшую свое продолжение в полемике П. А. Кропоткина с современными ему либералами.

В начале 1850-х гг. русский анархизм находился в стадии становления и формировался в эмиграции под воздействием разочарования в неудачных революциях 1848 г. А. И. Герцен и осо-

бенно его тогдашний друг и единомышленник В. А. Энгельсон находились под заметным воздействием сочинений выдающегося французского анархиста П. Ж. Прудона, в газете которого тогда сотрудничал Герцен. В то время как Искандер весьма критически относился к некоторым аспектам прудоновских убеждений, особенно по женскому и польскому вопросам, Энгельсон стал их безоговорочным почитателем. Основной политический вывод из прудонизма, сделанный Энгельсоном, заключался в том, что, если государство как таковое является злом, а единственным принципиальным вопросом становится разрешение социальных проблем, то, следовательно, формы государственного устройства, парламенты, конституции не имеют никакого позитивного и реального значения, являясь лишь формой заговора привилегированного большинства против неимущего большинства народа.

В середине 1850-х гг., после смерти Николая I, в эпоху политической «оттепели», большинство русского образованного класса объединилось вокруг определенной «программы-минимум», включавшей отмену крепостного права и освобождение крестьян с землей, ликвидацию или, по крайней мере, ослабление цензуры и запрещение телесных наказаний. Глашатаем этих вполне умеренных требований стал «неисправимый социалист» А. И. Герцен, сформулировавший эти призывы в первом же номере «Полярной звезды» в 1855 г. Резким диссонансом по отношению к этой программе стала помещенная в том же издании статья В. А. Энгельсона «Что такое государство?», весьма существенно противоречившая герценовским намерениям и взглядам. Статья отличалась определенным идеологическим экстремизмом, который казался несвоевременным и разрушавшим хрупкое согласие, установившееся среди реформаторских общественных сил. Сочинение Энгельсона стало первым подробным обоснованием анархистских идеалов в русской публицистике. Его автор детально, с многочисленными историческими аналогиями, развивал мысль о том, что государство — «заговор имущих собственность против неимущих»*. Подобная постановка вопроса в то самое время, когда в России в порядке дня стояли иные, значительно более конкретные и животрепещущие проблемы, требовавшие немедленного разрешения, вызывали недоумение, даже у Гер-

---

* <Энгельсон В. А.>Что такое государство? // Полярная звезда на 1855 г. С. 15.

цена, никогда не являвшегося апологетом буржуазной государственности. Впоследствии, он вспоминал: «статья “Что такое государство?” была хороша, но <...> она попала не вовремя. Проснувшаяся Россия требовала, именно тогда, практических советов, а не философских трактатов по Прудону и Шопенгауэру»*. Однако когда труд Энгельсона печатался, Герцен еще не вполне осознавал настроения русских свободомыслящих и восторженно рекомендовал им «смелость и глубину революционной логики автора»**.

Отрицательные отклики из России не замедлили последовать. Известный библиограф и внимательный читатель «Полярной звезды» С. Д. Полторацкий упрекал лондонского эмигранта: «статью о государстве <...> вы называете “превосходную” <...>. У нас в России, думаю, едва-ли будет она понятна, едва-ли дочтут до конца такую темную, бесплодную метафизику»***. Отметим, что Полторацкий даже не стал обсуждать содержание статьи, а лишь подчеркнул ее неуместность. Для империи основным вопросом было не уничтожение государства как такового, а, напротив, его реформирование. Характерно, что даже такой убежденный социалист, как Н. П. Огарев, несомненно, сочувствовавший многим положениям произведения В. А. Энгельсона, не удержался от едкой критики в ее адрес: «она (статья. — Л. Г.) основана на игре слов: <...> она просто прочтется без пользы, но с удовольствием»****. Таким образом, первая попытка гласной пропаганды анархистских идей в России завершилась неудачей.

В конце 1850-х гг. от бывшего единства в рядах российских «прогрессистов» ничего не осталось. Между умеренными либералами, такими как Б. Н. Чичерин и «красными», звавшими Русь «к топору»*****, уже не было ничего общего. Попытки герценовского «Колокола» сыграть роль примирителя сторонников преобразований постоянно заканчивались провалами.

---

* Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30-ти т. Т. X. М., 1956. С. 362.

** Герцен А. И. Объявление о «Полярной звезде» 1855 // Собр. соч. В 30-ти т. Т. XII. М., 1956. С. 270.

*** <Полторацкий С. Д.> Г. издателю «Полярной звезды» // Полярная звезда на 1856 г. С. 251.

**** Огарев Н. П. Письмо к издателю // Избр. соц.-полит. и филос. произведения. Т. 1. М., 1952. С. 199.

***** Русский человек. Письмо из провинции // Колокол. 1 марта 1860 г. Л. 64. С. 535.

А в 1860 г. громко заявил о себе новый эмигрант, П. В. Долгоруков. Особенностью его политической позиции стало тесное увязывание необходимых, по его мнению, либеральных реформ с немедленным введением конституции. Такое мнение принципиально отличалось от взглядов большинства либералов, которые верили в то, что радикальные преобразования могут быть быстро проведены лишь могущественной самодержавной властью, и рассматривали русскую конституцию как желанную, но далекую цель. Подобное идейное противоречие вызывало бурную полемику. Участие в ней принял и находившийся в Сибири будущий идеолог и проповедник анархизма М. А. Бакунин.

В конце 1860 г. на страницах «Колокола» развернулась ожесточенная дискуссия о деятельности губернатора восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Признавая за ним колоссальные административные дарования и реформаторские идеи, корреспонденты с тревогой отмечали у чиновника деспотические наклонности и нетерпимость к любому инакомыслию. Среди авторов этих обличительных писем были «первый декабрист» В. Ф. Раевский и М. В. Буташевич-Петрашевский, пользовавшиеся авторитетом у издателей «Колокола», чьего приговора боялись сановники, желавшие сохранить либеральную репутацию. Чтобы нейтрализовать негативные отзывы, М. А. Бакунин, находившийся в тот период в фаворе у Муравьева, направил своим лондонским друзьям обширное письмо в защиту губернатора. Будущий анархист восторженно излагал муравьевские планы, очевидно, имевшие слабое отношение к реальности. По словам склонного к увлечениям и гиперболизации Бакунина, Муравьев планировал захват Петербурга и установление «не конституции и не болтливой парламента, а временной железной диктатуры»*.

В данном случае М. А. Бакунин апеллировал к известным ему настроениям А. И. Герцена и Н. П. Огарева, одно время считавшим, что осуществить реформы достаточно радикально, преодолевая сословный, главным образом, дворянский эгоизм могла лишь самодержавная власть с ее неограниченными полномочиями. Однако, именно в середине 1860 г., когда Бакунин сочинял письмо, лондонские эмигранты уже изменили свои взгляды. Откликаясь на сочинение Долгорукова, Герцен согла-

---

* Бакунин М. А. Письмо к А. И. Герцену 7 ноября 1860 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1892. С. 5.

шался с его конституционными требованиями, и прибавлял: «мы думали, что петербургское императорство могло еще сослужить одну службу, разрубая им самим скрученный узел крепостного состояния. <...> Не тут-то было, наше самодержавие оказалось недоросшим до энергического решения <...>. Такую власть надобно взять в опеку, пока она не наделала больше бед»*. Поэтому и суждения Бакунина о том, что необходима «в Петербурге не конституция и не парламент, а железная диктатура в видах освобождения славян»** не могли вызвать энтузиазм у Герцена и Огарева. Примечательно, что Бакунин в письмах 1860 г. противопоставлял парламентаризму и конституции не анархистский идеал широкого самоуправления и минимума, если не полного уничтожения, власти, а, напротив, железную, неограниченную диктатуру, совершенно неподконтрольную обществу. Будущий идеолог «безначалия» даже не упоминал тогда о Земском соборе или о каких-либо иных органах народной инициативы. Он верил в безграничные возможности и полномочия сильной личности, способной быстро осуществить социальные преобразования. Подобная надежда применительно к М. Н. Муравьеву-Амурскому оказалась жестоким самообманом Бакунина, и он бежал в 1861 г. из владений своего кажущегося единомышленника в Лондон.

1862 г. стал временем расцвета российской эмигрантской прессы. Наряду с «Колоколом» и приложениями к нему, выпускались многочисленные конституционалистские журналы. П. В. Долгоруков и юный, но весьма активный публицист Л. П. Блюммер активно проповедовали необходимость введения в России бессословной конституции. Несмотря на очевидные расхождения по целому ряду пунктов социально-политической программы, между ними и издателями «Колокола» не было полемики, напротив, они часто координировали выступления по наиболее актуальным вопросам. И Долгоруков, и Блюммер, и А. И. Герцен, и М. А. Бакунин поддерживали отмену сословных привилегий, независимость Польши и проведение референдума по самоопределению Украины, Белоруссии и Литвы, установление свободы совести и печати, созыв земского собора.

---

* Герцен А. И. La verite sur la russie (par le prince pierre Dolgorukoff, Paris, 1860) // Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XII. М., 1956. С. 270.

** Бакунин М. А. Письмо к А. И. Герцену 8 декабря 1860 г. // Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. С. 64.

Соглашаясь по столь принципиальным проблемам, вполне можно было пренебречь спорами о социализме. Не случайно конституционалистские издания в 1862–1863 гг. выражали солидарность со своими социалистическими товарищами-оппонентами. Так, например, Долгоруков безоговорочно поддержал позицию Бакунина по польскому вопросу, встав на его сторону в полемике с лидером шляхетских националистов Л. Мерославским*. Еще более благосклонно отзывался о Бакунине Блюммер, который, в отличие от Долгорукова, не был принципиальным противником социалистических идей**. Но уже тогда становилось очевидным, что «медовый месяц» во взаимоотношениях идеолога анархизма и либеральных эмигрантов недолог. Признаки скорого разрыва проявлялись и в уважительных, но четких оговорках Блюммера о несогласии с бакунинскими экономическими воззрениями, и в недоброжелательных беседах Долгорукова с Бакуниным в Лондоне***. Когда же поражение польского восстания и общее поправление русского общественного мнения продемонстрировали тщетность надежд эмигрантов на скорое торжество своих взглядов, от былого единства не осталось и следа.

Конгресс Лиги мира и свободы в 1867 г., на котором М. А. Бакунин призвал одобрить коммунистическую и атеистическую программу, стал поводом для П. В. Долгорукова торжественно отказаться от солидарности с прежним тактическим союзником: «Я заявляю, что если бы мне пришлось выбирать между самодержавной властью Александра II и режимом с либеральной фразеологией, но по сути дела диктаторским и деспотическим, господина Бакунина и его друзей коммунистов, то я предпочел бы лучше жить при режиме Александра II. Я знаю их, этих революционеров-коммунистов, — это самые худшие из деспотов»****.

В целом история взаимоотношений деятелей анархистского и конституционалистского течений общественной мысли 1850–1860-х гг. свидетельствует о полной идейной несовместимости

---

* <Долгоруков П. В.> Библиографические заметки // Листок, издаваемый князем Петром Долгоруковым. 1863. № 5. С. 39.

** <Блюммер Л. П.> Примечание редакции // Свободное слово. № 1. 1863. С. 30.

*** <Долгоруков П. В.> Письмо президенту так называемого «Конгресса мира» // Ермолаев И. Н. Жизнь и борьба князя Петра Долгорукова. Псков, 2001. С. 435.

**** Там же. С. 435–436.

этих взглядов. Между их представителями могли существовать лишь недолгие тактические альянсы, обреченные на скорый провал, поскольку основной спор между сторонниками подобных мнений касался путей развития России: должна ли страна идти к общинному социализму, или к буржуазно-демократическому строю по западному образцу. Компромисс между такими убеждениями найти было трудно, если не невозможно. Об этом свидетельствует и позднейшая безуспешная попытка П. А. Кропоткина найти точки идейного соприкосновения с либералами в период I Мировой войны и революционного 1917 г.

